

© 2015 г.

М.В. ВИНОКУРОВА

ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ДИСКУССИИ: ПРОБЛЕМА МЕЛКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ФРАНЦИИ

Одной из важных проблем отечественной историографии, которая ныне могла бы привлечь внимание исследователей, является проблема феодальной собственности. Казалось бы, этот сюжет – классический; но тем не менее в понимании природы феодальной собственности среди историков еще до сих пор нет единодушия.

Более того, в настоящее время вопросы, связанные с социально-экономической проблематикой в развитии средневековой Европы и Европы раннего Нового времени привлекают внимание специалистов в гораздо меньшей степени, чем это было ранее и, в частности, в дореволюционный и советский периоды развития отечественной исторической науки.

Отчасти это связано с тем, что в эпоху общественных изменений, начавшихся в стране с середины 80-х годов XX в., в глазах многих историков утратил свое значение марксистский подход, в основе которого лежал интерес к социальным и экономическим проблемам. Именно на нем базировались изыскания отечественных историков-аграрников советского периода, в то время как последующая смена исследовательских парадигм постепенно начала уводить медиевистику от классических сюжетов, связанных с ее базисными категориями – землей, собственностью, рентой и феодальным правом¹.

Что касается особенностей развития отечественной исторической науки последней четверти XIX и первых десятилетий XX в., то именно к указанному времени относится формирование “русской школы” аграрно-исторических исследований, по праву снискавшей признание в мировой историографии. В указанный период она была представлена (в области исследования социально-экономической истории Англии) именами П.Г. Виноградова, А.Н. Савина и Д.М. Петрушевского². Что касается Франции, то начало углубленному изучению ее аграрной истории в период Средневековья и период

Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России.

¹ О причинах уменьшения научного интереса исследователей к проблемам социально-экономической и, в частности, аграрной истории см.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004, с. 8–9.

² См.: *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1985; *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт “русской исторической школы”. Казань, 2000; *Винокурова М.В.* Мир английского манора...

революции конца XVIII в. положили такие исследователи, как Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский.

Большой заслугой всех этих исследователей в то время была сама постановка проблемы крестьянского вопроса как важной и перспективной задачи исторической науки³. Думается, что и сегодня нам не стоит забывать труды “первопроходцев” в фундаментальных вопросах медиевистики и раннего Нового времени. Продолжение традиций и знание трудов предшественников – вещь далеко небесполезная на любом “витке” развития исторической науки. Более того: чем основательнее знание трудов предшественников в той или иной области науки, тем больший простор в постановке и решении новых задач остается на долю тех, кто приходит в эту область в дальнейшем. В этом видится своего рода диалектика процесса исследования. Вот почему наше внимание в данной статье будет посвящено одному из важных аспектов научных изысканий представителей русской аграрной исторической школы (М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого и отчасти – Н.И. Кареева) в области французской истории.

Попытка охарактеризовать в небольшой работе весь многолетний в высшей степени плодотворный труд историков “русской школы” по крестьянскому вопросу вряд ли увенчалась бы успехом. Ограничимся поэтому характеристикой их научного творчества по аграрной истории предреволюционной Франции под углом зрения трактовки ими вопроса о существовании мелкой крестьянской собственности. Сама по себе эта задача чрезвычайно важная. Ведь именно вопрос о происхождении и существовании крестьянской собственности является тем самым “ключом”, с помощью которого можно дать удовлетворительную научную трактовку своеобразных социально-экономических и политических процессов, происходивших во Франции периода Средневековья и раннего Нового времени.

К тому же эта проблема важна и с историографической точки зрения. Еще на заре XX столетия она явилась, как известно специалистам, предметом достаточно острой и длительной научной полемики между М.М. Ковалевским и И.В. Лучицким, отраженной в их исследовательских работах, о которых пойдет речь ниже. Эта полемика уже в то время получила отклик в среде как французских, так и отечественных историков. По указанному поводу высказывались такие известные французские историки, как А. Олар, Ф. Саньяк, А. Сэ, А. Матьез и некоторые другие. П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, В.П. Бузескул, С.М. Глаголева-Данини также вошли в число тех, кто так или иначе реагировал на полемику М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого⁴.

В начале 40-х годов XX в. основательный итог этой дискуссии подвел С.Д. Сказкин в своей статье “Февдист Эрве и его учение о цензиве”, вышедшей в самом первом выпуске “Средних веков”⁵, в 1942 г., – т.е. более 70 лет назад. С тех пор эта интересная проблема несколько “выпала” из поля зрения исследователей, хотя к ней и обращались как к историографическому феномену в 70-е и 90-е годы XX в. А.В. Адо и Г.П. Мягков⁶.

В конце 80-х годов я по совету М.А. Барга, также обратилась к этому сюжету и подготовила специальную статью, которую, однако, занимаясь преимущественно сюжетами английской, а не французской аграрной истории, тогда не опубликовала. Работа была посвящена не обстоятельствам возникновения указанного научного спора между историками, а самому его предмету, т.е. проблеме мелкой крестьянской собс-

³ См. об этом: Портреты историков. Время и судьбы, т. 2. Москва – Иерусалим, 2000.

⁴ См. об этом: Мягков Г.П. Указ. соч., с. 280–281.

⁵ Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве. – Средние века, вып. 1, 1942, с. 185–201.

⁶ Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971; Мягков Г.П. Полемика М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого и ее роль в изучении аграрно-крестьянской историографии Великой французской революции. – Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Казань, 1990, с. 81–82.

твенности во Франции. И вот ныне, ввиду необходимости подчеркнуть означенную выше важность исследования социально-экономических сюжетов, появился повод вновь обратиться к этой интересной теме. Еще раз отмечу, что она – не предмет лишь “антикварного” интереса в области историографических разысканий. Сам вопрос о собственности – едва ли не основной в медиевистике.

Начну с работ М.М. Ковалевского.

Итак, во многих трудах историка рассматривается вопрос о том, существовала ли во Франции перед революцией мелкая крестьянская собственность. Для ответа на указанный вопрос М.М. Ковалевский предпринял весьма тщательный анализ источников – крестьянских наказов в Генеральные штаты 1789 г. Крестьянские наказания представляют собой источники надежные и достаточно достоверные. В них приводятся данные о числе жителей того или иного прихода, о сумме выплачиваемых ими рент и налогов, о количестве земли, состоявшей под обработкой отдельных крестьянских семей, о размерах имений сеньоров и пр.⁷

Кроме того, М.М. Ковалевский использовал местные отчеты по так называемым “вопросникам”, которые исполнительные комиссии рассылали по различным департаментам Франции с целью выяснить материальное положение сельского люда. Они отличаются, по словам М.М. Ковалевского, “большой искренностью и неподдельностью”⁸ и содержат немало цифровых данных о числе жителей и сословном составе населения, о распределении земли и размерах поземельного обложения. Таким образом, надежность историковедческой базы М.М. Ковалевского в целом не вызывает сомнений.

Как же решает М.М. Ковалевский вопрос о существовании и развитии в дореволюционной Франции мелкой крестьянской собственности? Он считает, что во Франции XVIII в. такой собственности не было. Его основной источник – крестьянские наказания – “вскрывают картину, неблагоприятную признанию широкого распространения мелкой крестьянской собственности”⁹. Крестьян предреволюционной Франции ученый называет “эмфитевтическими владельцами” или наследственными арендаторами.

Не только историк, но и социолог, склонный к созданию широких, всеобъемлющих полотен, М.М. Ковалевский хотел понять социальный строй Франции XVIII в. в динамике всего экономического процесса французской истории, представить его аналогичным процессу развития английских поземельных отношений. Отказываясь видеть в аграрном строе Франции XVIII в. строй феодальный, он особо подчеркивал частноправовую, договорную сторону взаимоотношений в области земельного права и в цензиве видел аренду. Вот что писал М.М. Ковалевский по этому поводу: “Ничто не дает более ложного представления об экономических и социальных порядках во Франции, как определение их именем феодальных... От феодализма в тесном смысле этого слова Франция в XVIII в. сохранила... только одну сторону – монополизацию земли высшими сословиями”¹⁰. Отмечая факт роста крупной собственности за счет мелкой, М.М. Ковалевский считал, что если где-то во Франции и удержалась мелкая собственность, то она крайне ничтожна по своим размерам¹¹ и составляет иногда не более 1/8 арпана¹² на одно крестьянское хозяйство.

⁷ Характеристику крестьянских наказов как исторического источника см.: *Ковалевский М.М.* Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912, с. 9 и далее.

⁸ Там же, с. 25.

⁹ Там же, с. 14.

¹⁰ *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии, т. 1. СПб., 1912, с. 133, 135.

¹¹ Вообще мнения М. М. Ковалевского по этому поводу весьма противоречивы. Иногда он готов признать факт существования мелкой собственности, которая, “однако, не обеспечивает достаточного дохода для прокормления двора или не отвечает современному представлению о независимом владении” (см. там же, с. 32).

¹² Арпан – единица земельной площади во Франции, примерно равная “английскому” акру (немногим более 4 тыс. кв.м.)

Мы еще вернемся к тем причинам, которые побудили М.М. Ковалевского отрицать наличие мелкой собственности во Франции перед революцией – ведь именно они и составляют стержень той оригинальной концепции, которая вызвала полемику среди историков начала XX в.

Однако сначала следует остановиться на том, что заставляло его отрицать наличие в конце XVIII в. во Франции феодализма как социально-экономической системы. Сравнивая экономическое развитие Франции и Англии XVII–XVIII вв., М.М. Ковалевский, как уже указывалось, переносит особенности аграрного развития последней на строй поземельных отношений Франции и отождествляет процесс “укрупнения владений” в этой стране, который зачастую являлся проявлением здесь “феодальной реакции”, с образованием крупных капиталистических фермерских хозяйств в Англии, с наличием в ней системы лендлордизма.

Разумеется, это представление нельзя признать верным. Однако следует учитывать то важное обстоятельство, что в воззрении М.М. Ковалевского на процесс перехода от феодализма к капитализму нельзя не видеть интуитивного стремления историка, мыслящего социологическими категориями, рассматривать динамику общественного развития в этот период в качестве единого, общ исторического, закономерного поступательного движения “европейского масштаба”¹³. Действительно, насколько правомерно утверждение о наличии во Франции последних десятилетий XVIII в. феодальной эксплуатации? Ведь налицо были элементы проникновения капитализма во французскую деревню того времени: об этом свидетельствовал, например, факт достаточно сильного социально-экономического расслоения французского крестьянства, который справедливо отмечал в своих работах М.М. Ковалевский, а также развитие фермерского хозяйства на севере Франции.

В то же время стоит подчеркнуть, что, несколько модернизируя аграрный строй Франции в отношении ее капиталистического развития, М.М. Ковалевский тем не менее не мог не заметить того оригинального явления в жизни французской предреволюционной деревни, которое в дальнейшем получило название “феодальной реакции”. Он отмечал, что “поставленные в необходимость сохранять средневековые порядки земельного пользования в пределах своего поместья, сеньоры возмещали себя за убытки, причиняемые им неизменностью крестьянских рент и платежей, упорным настаиванием на своих хозяйственных монополиях и оживлением вымерших, пришедших в забвение феодальных прав”¹⁴.

Однако создается впечатление, что “феодальную реакцию” конца XVIII в. М.М. Ковалевский интерпретировал как “врастание” сеньории в капитализм, понимаемый в смысле капиталистического перерождения сеньории, в то время как в действительности сеньоры, как правило, не переходили на путь капиталистического развития хозяйства, а, приспособляваясь к изменяющимся условиям, просто расширяли старые феодальные повинности.

Рассмотрим теперь более подробно, каким образом М.М. Ковалевский объясняет факт отсутствия, по его мнению, мелкой крестьянской собственности во Франции перед революцией. Прежде всего следует отметить, что, говоря о земельной собственности, Ковалевский понимал последнюю как собственность полную, аллодиальную, а не ту условную, феодальную, под понятие которой подводятся, в сущности, не только цензивы, но и феодалы. М.М. Ковалевский, не оценив идеи условности, иерархичности

¹³ Характерно, что в отечественной историографии середины прошлого столетия подчеркивался этот важный момент. Например, В.М. Лавровский писал о том, что “аграрное развитие Франции... может быть рассмотрено в качестве “варианта” развития двух западноевропейских стран в XVIII – начале XIX в., обычно противопоставлявшихся друг другу”. – *Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966, с. 9. См. также: Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого “второго издания крепостничества” в Средней и Восточной Европе. – Вопросы истории, 1958, № 2, с. 97–99.*

¹⁴ *Ковалевский М.М. Происхождение мелкой крестьянской собственности..., с. 39.*

земельной собственности, полагал, что, если в сборниках кутюмного права по отношению к крестьянству и применялся термин “собственник”, то лишь потому, что в этих источниках под собственностью понимается всякое наследственное пользование. А между тем еще Н.И. Кареев – один из блестящих представителей “русской школы” аграрной истории Франции – указывал на условность земельной собственности во Франции в феодальную эпоху, подчеркивая основной принцип французского варианта развития феодализма – принцип подчинения земли земле¹⁵. Он писал, что и феодал или лен феодального сеньора, и цензива простого человека “одинаково противопоставляются аллоду как полной, независимой собственности”¹⁶. И хотя источники, которые имелись в распоряжении историков “русской школы”, не давали возможности путем статистических подсчетов определить, какая часть территории Франции в период Средневековья была в аллодиальной собственности и много ли было мелких “аллодиальных” участков, принадлежавших крестьянам, юридические трактаты этой эпохи свидетельствуют о том, что аллодиальная собственность была исключением¹⁷.

Таким образом, мнение М.М. Ковалевского об отсутствии во Франции XVIII в. мелкого крестьянского землевладения можно было бы считать правильным только в том случае, если бы мы признали исключительно аллодиальный характер землевладения и не считали бы его специфической формой позднефеодального держания, “собственностью в пределах сеньории”¹⁸.

Ошибочность концепции М.М. Ковалевского, судя по всему, заключалась отчасти в том, что со своим слишком широким, “социологическим”, взглядом на историческое развитие он не мог (и не ставил себе такой задачи) осознать той истины, что сеньория в сфере производства целиком зависела от крестьянского хозяйства, а стало быть, не понял и мелкокрестьянского характера производства средневековой французской деревни, того фактического существования (хотя и под “феодальной вывеской “цензивы”) мелкой крестьянской собственности, которое было связано с переходом к высшей форме феодальной ренты.

При изучении трудов М.М. Ковалевского по истории французского крестьянства, нельзя не обратить внимания на тот факт, что при построении своей концепции аграрного развития Франции перед революцией он совершенно не обращался к исследованию феодального права. “Если бы Ковалевский заглянул в правовые трактаты XVI–XVIII вв., то весь миф о закончившемся будто бы перерождении феодальной собственности в буржуазную и полном исчезновении феодального строя разлетелся бы, как дым”, – писал С.Д. Сказкин¹⁹. Изучение юридических трактатов февдистов – представителей “школы истории и догмы феодального права” – могло бы послужить удобным путем для проникновения в существо самих поземельных отношений. Речь идет, разумеется, не столько о систематизации правовых понятий, содержащихся в том или ином трактате, а об использовании данного трактата в качестве исторического источника, своего рода зеркала, отражающего реальные поземельные отношения.

Сложность данной задачи состоит не только в тех затруднениях, которые встречаются при толковании запутанной правовой терминологии; она заключается прежде всего в необходимости устранения тех противоречий, которые вытекают из “непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы”²⁰ и обратно. И, по всей видимости, историк, который ставит своей задачей изучение дейс-

¹⁵ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879, с. 31. Ниже мы вкратце рассмотрим его взгляды по указанному вопросу.

¹⁶ Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян. Варшава, 1881, с. 27.

¹⁷ Там же, с. 30. См. также: Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992.

¹⁸ Сказкин С.Д. Февдист Эрве..., с. 189–190 и др.

¹⁹ Там же, с. 190.

²⁰ Энгельс Ф. Письмо к Шмидту от 27 окт. 1890 г. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 418.

твительности сквозь призму правовых понятий, должен действовать с поправкой на то, что правовые теории отстают от жизни, не совпадают с ней, что отражение внешнего мира в правовых нормах под действием “принудительной” силы экономического развития принимает в значительной мере искаженный вид.

К сожалению, М.М. Ковалевский не ставил перед собой подобной задачи и именно поэтому он не смог с подлинной объективностью подойти к изучению своего основного источника – крестьянских наказов. Между тем и в наказах (не говоря уж о сочинениях февдистов) цензива именуется собственностью (*propriété foncier*) даже тогда, когда крестьяне, желая уменьшить сумму налогов, просят приравнять ее к аренде. В пятом томе своего известного трактата “О феодах и цензивах”, как пишет С.Д. Сказкин, февдист Эрве называет цензиву *la plain propriété foncier*. Шарль Дюмулен (XVI в.) именует цензиву *d’une véritable propriété*. То же можно сказать и о февдистах XVII столетия, таких как Д’Аржантре, Антуан Луазель, Франсуа Буржон: так, на них ссылается Т.М. Червонная в своей работе, посвященной французской деревне XVI в., рассмотренной ею сквозь призму юридических источников²¹.

Согласно Парижскому и Нормандскому кутюмам, все земли во Франции считались фьефом (либо дворянским, либо крестьянским) на основании известной максимы “нет земли без сеньора”. Цензитарий XVIII в., согласно основным “признакам” собственности как права на вещный объект, мог купить и продать землю, завещать любому лицу, подарить, обменять, заложить и произвести некоторые другие операции, ибо к указанному времени договоры о цензиве, которые в период Средневековья были срочными, превратились в вечные (С.Д. Сказкин) или в вечнонаследственные.

Договор о цензиве в XVIII в., согласно февдисту Эрве, означал вовсе не тот факт, что сеньор оставался подлинным или прямым собственником (*senior direct*), а то обстоятельство, что между дающим и принимающим договорные условия существует известная, определенная этим условием связь²². Сеньор, по мнению большинства февдистов, не мог осуществить захват земли цензивы (или ее секвестр); он не мог даже повысить ценз (ренту) – в противном случае французскому цензитарию, в отличие, например, от английского копигольдера, был доступен королевский суд.

Подчеркивая незнакомство М.М. Ковалевского с правовыми теориями февдистов, С.Д. Сказкин писал: “Ковалевский, отрицая самое существование феодального строя во Франции XVIII в., и не подумал обращаться к февдистам... Он окорнал такой трудный для понимания источник, как наказания, уложив его в прокрустово ложе заранее созданной им теории”²³.

Если концепция М.М. Ковалевского об отсутствии во Франции перед революцией мелкой крестьянской, феодальной по своей природе собственности, в целом не выдерживает критики, то несомненной заслугой этого историка является разработка им вопроса о социально-экономической дифференциации французского крестьянства. И хотя, как мы видели, исследователь интерпретировал процесс социального расслоения в среде крестьянства как показатель законченного капиталистического развития Франции перед революцией, тем не менее он единственный из историков “русской школы” сумел увидеть в нем (расслоении) залог грядущих перемен в социально-экономическом строе этой страны.

М.М. Ковалевский прямо указывает на расслоение крестьянской среды на несколько “пластов” и выделяет главные из них: пахарей (*laboueurs*) и батраков (*manuvriers*). Если пахарь мог при известных условиях превратиться, по выражению историка, в “деревенского гроссбуэра”, то другой, наиболее часто встречающийся во французской предреволюционной деревне путь, вел вниз – к фактическому обезземелению, к батрачеству. Положение большинства батраков изображено в изученных М.М. Ковалевским наказах в самом безотрадном виде. Так, в приходе Coizand во вла-

²¹ Червонная Т.М. Указ. соч.

²² Сказкин С.Д. Февдист Эрве..., с. 194–200.

²³ Там же, с. 192.

дении имущих классов находилось 9/10 всей земли. Составители наказа пишут: “Мы имеем основание жалеть, что исчезло старинное рабство и крепостничество... Мнимая свобода, купленная ценою денег, только навлекла на нас массу налогов, под бременем которых мы изнываем”²⁴.

Мы видим, что М.М. Ковалевский довольно глубоко затронул проблему экономического статуса крестьянского хозяйства, он вплотную подошел к пониманию того важнейшего положения, что значение терминов “*laboureur*” и “*manouvrier*” базируется на размерах хозяйства, а не на размерах собственности²⁵, другими словами – имеет под собой социально-экономическую базу, а не только правовой статус.

Следовательно, основой для конституирования этих двух важнейших групп французского крестьянства, наличие которых являлось одним из значительных показателей формирования в поземельном строе Франции капиталистического уклада, был прежде всего статус (и площадь) самого земельного держания. Справедливо отмечая факт дифференциации и обезземеления французского крестьянства перед революцией, М.М. Ковалевский считал, что “владение” незначительным по размеру хозяйством фактически ничего не давало крестьянину, так как не обеспечивало даже простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Если к этому обезземелению добавить еще факты проявления “феодальной реакции”, т.е. те “ловушки”, которые в виде налогов расставляли сеньоры (и государство) на пути циркуляции прибавочного продукта крестьянского хозяйства, пытаясь интенсифицировать феодальную эксплуатацию во всех ее формах, то нам становится понятным, что имел в виду М.М. Ковалевский, говоря об отсутствии крестьянской собственности во Франции.

Отрицая феодальный строй в целом, М.М. Ковалевский, очевидно, не осознал до конца того факта, что речь должна идти не о крестьянской собственности капиталистического типа, а о собственности, на которую перед революцией крестьяне имели не буржуазное, а лишь феодальное право. В том-то и заключалось значение Великой французской революции, что она не только освободила крестьян от сеньориального гнета, но и превратила их в полных собственников буржуазного права, впоследствии фиксированного в Кодексе Наполеона. Революция не создала крестьянской собственности, а освободила ее от феодальных пут.

Очень интересны и важны те страницы книг М.М. Ковалевского²⁶, которые посвящены общей характеристике положения французского крестьянства перед революцией. Он отмечает те основные факторы, которые в значительной мере осложняли и ухудшали жизнь французского крестьянства: это и обострение земельного голода, и обострение продовольственной проблемы, возрастание фискальных требований государственной власти, собственно усиление феодальной эксплуатации в ее сеньориальной форме и др.

Небольшая, но очень хорошая глава книги М.М. Ковалевского “Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции” посвящена вопросу о законодательстве Великой французской революции. Она написана на основе исследования протоколов Учредительного и Законодательного собраний, а также Конвента по вопросу об отмене феодального режима. М.М. Ковалевский проследил восходящую линию аграрного законодательства. Особенно подробный анализ дается первому декрету революции по аграрной проблеме – декрету от 4–11 августа 1789 г. Как известно, в результате появления этого декрета были отменены личные феодальные повинности крестьян, но подлежали выкупу обязательства, связанные с земледержанием (барщина, оброк, чинш). М.М. Ковалевский отмечает и тот факт, что, согласно декрету Учредительного

²⁴ Ковалевский М.М. Происхождение мелкой крестьянской собственности..., с. 31.

²⁵ Сказкин С.Д. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 г. – Историк-марксист, 1936, кн. 2, с. 37–38.

²⁶ См.: Ковалевский М.М. Происхождение мелкой крестьянской собственности...; *его же*. Происхождение современной демократии; *его же*. Социальное законодательство Конституанты. – Сборник правоведения, т. 1. СПб., 1893, с. 1–84.

собрания, к выкупу должны были приступить все члены общины одновременно, что он должен был быть интегральным, т.е. коснуться сразу всех видов служб и платежей. Такое решение крайне затрудняло производство самой выкупной операции и “вызвало не один протест со стороны заинтересованных”²⁷.

М.М. Ковалевский отмечает также выдающееся значение основного декрета якобинцев – декрета от 17 июля 1793 г., который явился заключительным аккордом всей восходящей линии аграрного законодательства Великой французской революции, и, безвозмездно уничтожив все феодальные повинности, установил право буржуазной собственности на те мелкие крестьянские участки, владельцы которых раньше обладали лишь правом собственности феодальной.

М. М. Ковалевский рассматривает также вопрос об отчуждении и продаже имущества эмигрантов. И если в 1893 г. он считал, что “земельная революция... пошла на пользу почти исключительно среднему сословию”²⁸, т.е. буржуазии, то по прошествии двух десятилетий он изменил свою точку зрения и подчеркивал, что распродажа национальных имуществ совершалась также и в интересах крестьянства и до некоторой степени “содействовала демократизации собственности”²⁹.

В сущности, каждому из указанных выше вопросов в изображении М.М. Ковалевского можно было бы посвятить специальное исследование – столь многогранным является его творчество в области французской истории переходной эпохи. Но, как уже отмечалось выше, попытка подробно охарактеризовать в краткой по необходимости работе всё, что сделано М.М. Ковалевским, да и другими представителями “русской школы” в области аграрной истории Франции перед революцией – задача более чем трудная и едва ли выполнимая до конца.

Перейдем поэтому к рассмотрению концепции аграрного развития Франции накануне революции другого представителя русской школы – И.В. Лучицкого. Это исследователь, который в таком кардинальном вопросе, как вопрос о существовании и размерах крестьянской собственности первым среди русских историков встал на путь тщательного изучения источников в истинном смысле этого слова, “прямо прорвался к деловым документам того времени, составители которых меньше всего думали, что они пишут для потомства, и работали, имея в виду не историю, а порученное им дело”³⁰.

И.В. Лучицкий считал бесспорным факт существования во Франции перед революцией крестьянской собственности феодального происхождения. По его мнению, феодализм перед революцией во Франции все еще существовал как система; и в цензиве сохранялась феодальная сущность наследственного держания. Хотя сеньория во Франции уже не была в XVIII в. чисто феодальной ячейкой хозяйственной жизни, но, по справедливому мнению И.В. Лучицкого, она не стала еще, как думал М.М. Ковалевский, единицей “капиталистического владения”, разбитого на мелкие арендные хозяйства.

Феодализм, согласно концепции И.В. Лучицкого, которая особенно отчетливо выражена им в работе “Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 гг.”³¹, сохранялся во Франции XVIII в. и как система фиска. Сеньория, по Лучицкому, к этому времени перестала быть хозяйственной организацией, увеличивавшей норму эксплуатации лишь за счет отработок, и с перенесением акцента производства прибавочного продукта в хозяйство непосред-

²⁷ См. об этом подробно: *Ковалевский М.М.* Происхождение мелкой крестьянской собственности..., с. 162 и далее.

²⁸ *Ковалевский М.М.* Социальное значение Конституанты.

²⁹ *Ковалевский М.М.* Происхождение мелкой крестьянской собственности..., с. 162.

³⁰ *Сказкин С.Д.* Дифференциация..., с. 22.

³¹ См. также: *Лучицкий И.В.* Крестьянская поземельная собственность во Франции и продажа национальных имуществ. Киев, 1896; *его же.* Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Киев, 1900.

редственного производителя (крестьянина), превратилась в “собирателя” денежных платежей и повинностей, в добавочный к государству фискальный институт. При этом отживающая феодальная система боролась за свое существование и даже пыталась проявить признаки определенного оживления, доказательством чего явилась “феодальная реакция” во Франции.

По мнению И.В. Лучицкого, имеются все основания считать такое феодальное держание, как цензива, собственностью тех, в чьих руках находилось право непосредственного пользования, а не тех, в чьих руках было *dominium directum*, т.е. верховное право собственности на цензиву. Понимая условный характер феодальной собственности на землю, основанный, как уже указывалось, на принципе подчинения “земли земле”, И.В. Лучицкий, как нам кажется, довольно ясно представлял себе и то обстоятельство, что договор о цензиве “переносил собственность на принимающего”³², в результате чего сеньор если и продолжал оставаться верховным собственником, то чисто номинально; подлинным же собственником земли цензивы и фактически, и юридически был сам цензитарий. “Перенесение собственности (а не только usufructa) на принимающего” посредством договора о цензиве – основной тезис февдиста Эрве, о чем пишет С.Д. Сказкин.

Заслугой И.В. Лучицкого является и то обстоятельство, что он не просто поставил вопрос о существовании во Франции мелкой крестьянской собственности, феодальной по своей природе – это делали историки и до него (Токвиль, Лаверье), – а попытался ответить на вопрос о том, какая ее часть находилась в канун революции “в руках действительных работников”, т.е. крестьянского населения страны. Для ответа на этот вопрос И.В. Лучицкий самым тщательным образом изучил податные документы XVIII в.: списки плательщиков двадцатины (*roles des vingtiems*) и акты переоценки движимого и недвижимого имущества, которые были построены по принципу подоходного налога и строго отмечали, являлась ли доходная статья собственностью налогоплательщика. Н.И. Кареев писал, что в отношении знакомства с архивным материалом, касающимся французского землевладения предреволюционного периода, с И.В. Лучицким не может сравниться ни один ученый среди самих французов³³.

Работа И.В. Лучицкого во Франции в течение 1894–1895 гг. в значительной мере осложнялась тем обстоятельством, что податные списки и поместные описи находились в основном не в центральном, а в департаментских архивах. Огромное количество хранившихся в этих архивах источников заставило И.В. Лучицкого ограничиться Лимузеном, а также некоторыми городами (Дижоном, Тулузой, Аррасом и др.).

Каковы же были размеры земельной площади, находившейся в руках земельных собственников “различных классов” – вот тот принципиальной важности вопрос, который поставил перед собой И.В. Лучицкий. Он выяснил, что число крестьян-собственников в изученных им департаментах колебалось в среднем от 48 до 139 в каждом из приходов.

Средний процент крестьянского землевладения на департамент составлял 30%, в то время как дворянство владело примерно 30,1%, духовенство – 20,5%, а третье сословие – 19,4%.

В наиболее тщательно изученном И.В. Лучицким Лимузене мелкие собственники крестьянского типа составляли 91,1%. Подчеркивая значительность распространения крестьянского землевладения в изученных им районах, Лучицкий приходит к выводу: “Самым главным соперником дворянской земли являлось... крестьянство”³⁴.

Настаивать на утверждении наличия во Франции перед революцией мелкой крестьянской собственности И.В. Лучицкого побуждал и тот факт, что в изученных им

³² См. о юридических тонкостях цензуального статуса: Сказкин С.Д. Февдист Эрве..., с. 194–195.

³³ Кареев Н.И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911). СПб., 1912, с. 30.

³⁴ Лучицкий И.В. Крестьянская поземельная собственность...

податных документах цензива во всех ее видах значилась как собственность (*propriété foncier*). В связи с этим необходимо отметить следующее важное обстоятельство: официальная податная статистика в определенной степени игнорировала феодальный режим и в практике обложения исходила только из двух понятий: собственности и аренды. Источники Лучицкого, следовательно, не разграничивали непосредственно сеньориальную собственность и цензиву, что уже само по себе побуждало считать цензиву собственностью. По сути дела, само французское правительство считало цензитария собственником, о чем свидетельствовала податная терминология списков государственных налогов XVIII в.

Но если источники И.В. Лучицкого при определении правового статуса участка пренебрегали тем, что земля цензивы входила в состав сеньории (“выравнивая” статусы), то и в источниках М.М. Ковалевского – крестьянских наказах – разница между полной, аллодиальной собственностью и цензивой не была более заметной. (Кстати, С.Д. Сказкин писал о том, что, судя по терминологии наказов, сам крестьянин-цензитарий считал себя собственником.) Этот факт свидетельствует, во-первых, о более произвольном толковании источников М.М. Ковалевским, и, во-вторых, как уже отмечалось, о непонимании им условного характера феодальной собственности, в то время как Лучицкий “был ближе Ковалевского к истине, называя, с одной стороны, цензитария собственником и утверждая, с другой, неприкосновенность и живучесть феодального порядка”³⁵.

Но выводы И.В. Лучицкого, убедительные тогда, когда он противопоставляет крестьянство в целом привилегированным слоям общества и буржуазии, нуждаются в пересмотре, когда речь идет о процессах внутри самого крестьянства. Из всех историков “русской школы” он, пожалуй, в наибольшей степени подчеркивал незначительность дифференциации французского крестьянства накануне революции и более, чем Ковалевский, был склонен рассматривать его как однородную массу, в большей или меньшей степени обеспеченную землей и не имеющую в достаточной степени объективных оснований превращаться в наемных рабочих.

И.В. Лучицкий прав, утверждая, что ни привилегированные классы, ни буржуазия в конце XVIII в. не вкладывали повсеместно своих капиталов непосредственно в сельскохозяйственное производство и не вели крупного хозяйства капиталистического типа. Но это еще вовсе не означало, что деревенской буржуазии не было совсем. Она могла образовываться и образовывалась из среды самого крестьянства в результате его социально-экономической дифференциации.

К концу XVIII в. имущественное расслоение французской деревни явственно вырисовывалось из податных документов, выражаясь в наличии в последних определенной номенклатуры деревенского населения, основными группами в которой были уже упоминавшиеся *laboueurs* и *manouvrier*. Сюда входили также такие категории французского крестьянства, как, *metayers* (т.е. держатели на основе наиболее тяжелой формы аренды – натуральной), *vignerons* (виноградари), *artisans* (ремесленники) и др.

И.В. Лучицкий, наблюдая в податных документах наличие указанных терминов, обозначающих эти категории, попытался определить экономическое положение их представителей в общем строе хозяйства Франции последней четверти XVIII в., вычислив средний размер их земельной собственности в арпанах³⁶. Сравнивая затем аграрный Лимузен с более развитым в промышленном отношении Ланнуа, он, взяв 85 приходов Лимузена и 85 приходов Ланнуа³⁷, пришел к выводу о том, что наибольшую численность пахарей в указанных областях Франции можно было наблюдать среди крупных и средних собственников крестьянского типа, а наибольший процент поденщиков приходился на группы мелких и средних собственников.

³⁵ Сказкин С.Д. Февдист Эрве..., с. 193.

³⁶ Результаты этих вычислений см.: Лучицкий И.В. Крестьянское землевладение..., с. 68–69.

³⁷ Там же, с. 106 (таблица).

Очень хорошо, конечно, что И.В. Лучицкий решал вопрос о расслоении французского крестьянства, основываясь не только на численности мелких собственников, но и на удельном весе земельной площади, находившейся в распоряжении каждой из групп. Однако создается впечатление, что источники, которые он подвергал статистической обработке (преимущественно это были списки 5% дополнительного налога – *roles des vingtièmes*) не вполне подходили для научного решения о степени дифференциации крестьянства перед революцией. Совершенно очевидно, что в номенклатуре групп деревенского населения, содержащейся в источниках Лучицкого, играло роль не только имущественное, но и профессиональное деление. Для составителей списков плательщиков двадцатины важно было знать не только сумму доходов каждого плательщика, но и те отдельные статьи, из которых складывалась эта сумма. Кроме того, в списки, помимо основной массы французского крестьянства и привилегированных классов, вносили даже те слои населения, чей доход по своей незначительности вовсе не подлежал обложению. Это делалось с тем, чтобы можно было иметь юридическое обоснование для полного освобождения от налога в подобном случае. Таким образом, принцип деления крестьян на различные группы в источниках указанного типа был основан не на размере хозяйства, т.е. земельной площади, находившейся под обработкой, а на характере доходных статей различного типа (вот почему наряду с категориями “пахарей” и “поденщиков” в списках плательщиков двадцатины имелась, например, такая категория, как “ремесленники”).

Возможно, выводы И.В. Лучицкого по вопросу об имущественном расслоении французского крестьянства были бы более надежными, если бы для решения этого вопроса он использовал бы в качестве основного источника списки плательщиков талей. Ведь если составителей списков плательщиков двадцатины интересовали лишь отдельные статьи доходов, то система учета талей была построена таким образом, что исходила из понятия крестьянского хозяйства как единого целого. При условии анализа списков плательщиков основного налога И.В. Лучицкий, несомненно, выделил бы две основные группы французского крестьянства – “пахарей” и “батраков” и, возможно, в конце концов, пришел бы к выводу о том, что эти названия имеют значение, указывающие на элементы не профессионального, а социального различия. Не осознавая полностью, что значение терминов “*laboueurs*” и “*manouvriers*” базируется не на правовом, а на экономическом статусе и отражает, следовательно, не юридическую, а социально-экономическую дифференциацию французского крестьянства, И.В. Лучицкий пришел к выводам, которые позволили ему подчеркнуть господство во Франции перед революцией натурального хозяйства, отсутствие во французской деревне слоя сельскохозяйственных рабочих и т.д.³⁸

Подводя краткий итог, мы не можем не отметить больших заслуг историка в изучении аграрного вопроса во Франции перед революцией, тщательной обработки им источников по аграрной истории, правильного в своей основе решения вопроса о наличии в этой стране мелкой крестьянской собственности. Вместе с тем, занимаясь проблемой крестьянской собственности, исследователь обнаружил недостаточное знакомство с правовыми теориями феудистов. С.Д. Сказкин писал по этому поводу: «Лучицкий, начав работать над открытым им первоклассным “деловым” источником, потонул в нем»³⁹, забыв о необходимости изучения феодального права.

Наш обзор научного творчества представителей “русской исторической школы” по вопросу о крестьянской собственности перед революцией был бы неполным, если бы мы не осветили мнения по этому вопросу Н.И. Кареева, который по праву считается основоположником “русской школы”. И если в данной работе мы проводим анализ трудов Н.И. Кареева по аграрной истории Франции после анализа сочинений М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, несколько нарушая этим принцип хронологи-

³⁸ Лучицкий И.В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа. Киев, 1912, с. 16–17, 27, 30 и др.

³⁹ Сказкин С.Д. Феудист Эрве..., с. 192.

ческой и научной последовательности, то это вовсе не означает недооценки деятельности этого историка.

Однако поскольку, как уже указывалось, нашей основной задачей являлась задача рассмотрения трудов историков “русской школы” под углом зрения трактовки ими вопроса о существовании мелкой крестьянской собственности, то речь, следовательно, прежде всего должна идти о рассмотрении *полярных* точек зрения по данному вопросу, которые наиболее ярко выражены в концепциях М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, и ради освещения которых, собственно, и задумана была данная работа.

Точка зрения Н.И. Кареева по этому вопросу занимает, пожалуй, промежуточное положение и не претендует на построение завершенной концепции в этой узкой, хотя и важнейшей области аграрной истории предреволюционной Франции. Вот почему вполне уместно рассмотреть взгляды Н.И. Кареева после трудов Лучицкого и Ковалевского, рассмотреть их под углом зрения своеобразного “серединного” решения этим историком вопроса о существовании во Франции собственности крестьянского типа.

В 1879 г. вышла книга Н.И. Кареева “Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.”, которую Ф. Энгельс назвал лучшей работой о крестьянах⁴⁰. Общий план этого труда, который мы вынуждены лишь кратко охарактеризовать, требовал ретроспективных исторических обзоров, анализа форм общественной жизни Франции эпохи раннего Средневековья.

Н.И. Кареев отмечает, что власть средневекового сеньора слагалась из трех элементов: сеньор был одновременно господином крепостных, крупным землевладельцем и государем в своей сеньории. Подчеркивая наличие во Франции на протяжении Средневековья классически чистого “сервильного” элемента, Н.И. Кареев отмечает, что в процессе постепенного ослабления крепостничества право сеньора как “господина и государя”, постепенно уничтожаясь, не только не влекло падения его права как землевладельца, но, напротив, укрепляло это право: то, что из господской власти феодального сеньора не перешло в руки серва, начавшего свободно распоряжаться своей личностью, и не сделалось достоянием короны, отнявшей у феодалов политическую власть, выпало на долю земледельческого элемента власти феодального сеньора⁴¹.

Следует отметить, что из всех историков “русской школы”, изучавших состояние “земледельческого класса” Франции, именно Н.И. Кареев наиболее активно изучал феодальное право страны. Однако его основной недостаток в отношении изучения трактатов февдистов заключался, по-видимому, в следующем: он не мог воспользоваться ими так, чтобы с их помощью понять существование самих поземельных отношений феодальной Франции, не смог воспользоваться ими как историческим источником в области аграрных отношений. Н.И. Кареев, опираясь на сочинения февдистов, рисовал картину поземельных отношений средневековой Франции, не покидая своеобразной, созданной ими “правовой оболочки”, состоявшей из архаичных юридических понятий, забывая о многих тонкостях и искажениях правовых феодальных теорий, о том, что феодальное право нередко представляло собой кривое зеркало и требовало изучения поземельных отношений с обязательной поправкой на то, что правовые теории отстают от жизни.

Согласно изученным Н.И. Кареевым правовым документам, вся феодальная собственность во Франции делилась на аллоды, феоды и цензивы; в сущности же на свободную, полную (аллоды) и несвободную (феоды, цензивы) собственность.

Подчеркивая принцип подчинения земли земле, столь характерный для феодальной Франции, условность, подчиненность феодальной собственности, Н.И. Кареев справедливо отмечает, что обе категории земель (и феоды, и цензивы) “представляли из себя особенный вид собственности, принадлежавшей разом двум владельцам: тому лицу, которое непосредственно пользовалось такой землей, принадлежало *dominium utile* (право пользования), верховному же собственнику земли – *dominium directum*

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 37, с. 125.

⁴¹ См. об этом подробно: Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос..., с. 26 и далее.

(верховная собственность). Собственником земли в общепринятом смысле был, по Карееву, тот, кому принадлежало *dominium directum*, но и его право было неполное, так как он должен был признавать зависимость своей сеньории от сеньории более высокого порядка; лица, называемого *seigneur direct*⁴². Таким образом, как справедливо отмечает Н.И. Кареев, огромное большинство земельных участков находилось в такой двойной собственности, когда каждый собственник имел над своей землей другого сеньора.

Что касается аллодиальной собственности, то она была исключением: кутюмы, признававшие ее, были в меньшинстве, и даже сами юристы, по свидетельству изучавшего феодальное право Н.И. Кареева, “смотрят иногда на аллод как на нечто аномальное и отказываются объяснить происхождение этой странной, по их мнению, аномалии”. “Общим правилом, – продолжает Н.И. Кареев, – было существование несвободной собственности, а в некоторых областях аллод не признавался даже тогда, когда его владелец имел документы, доказывающие аллодиальность его земли”⁴³.

Таким образом, решая вопрос существования во Франции мелкой собственности крестьянского типа, Н.И. Кареев был ближе к точке зрения И.В. Лучицкого и не считал ее, подобно М.М. Ковалевскому, собственностью лишь аллодиального характера. Он полагал, что мелкая собственность существовала до революции, что революция конца XVIII в. не раздробила, а только освободила землю, т.е. крестьянская собственность при феодализме существовала в значительных размерах, только была несвободна. Н.И. Кареев прямо указывает, что за исключением 1/5 земель, принадлежавших короне, и 2/5 земли, которая была в руках дворянства и духовенства, буржуазии и крестьянству, т.е. третьему сословию, принадлежало около 2/5, а может быть, и 1/3 всех земель Франции⁴⁴.

Решая вопрос о степени дифференциации французского крестьянства перед революцией, Н.И. Кареев считает, что “встречаемое почти у всех историков представление о французском крестьянстве как об однородной массе ошибочно и что необходимо, напротив, иметь в виду существование в крестьянстве отдельных классов”⁴⁵. Основными из них Н.И. Кареев считает уже упоминавшихся нами пахарей и батраков...

В заключение отметим, что перед нами – весьма неоднозначные интерпретации вопроса о крестьянской собственности во Франции историками “русской школы”, свидетельствующие прежде всего о неоднозначном толковании такого сложного понятия, как феодальная собственность.

Казалось бы, это понятие, являющееся предметом многократных обсуждений в среде историков, правоведов, экономистов, социологов должно, наконец, стать классически определенным; тем не менее в понимании природы феодальной собственности, как указывалось выше, еще и до сих пор нет этой определенности.

М.А. Барг, историк, основным исследовательским “доменом” которого являлась аграрная история феодальной Англии и который, следовательно, основательно занимался вопросом земельной собственности, определил эту общественно-экономическую категорию как историческую форму земельной монополии иерархически сочлененной корпорации собственников, опосредованную отношениями прямого господства и подчинения⁴⁶.

Согласно этому определению, носителем юридического титула земельного собственника при феодализме выступала именно корпорация последовательно подчиненных сеньоров во главе с королем. Каждый из членов этой корпорации обладал условной (связанной, разделенной) собственностью постольку, поскольку он имел определен-

⁴² Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос..., с. 30, 31.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 106.

⁴⁵ Там же, с. 104.

⁴⁶ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 258.

ное место в указанной иерархии⁴⁷; по отношению же к держателям его владельческий титул являлся безусловным.

Таким образом, сеньор представлял как субъект права собственности, а крестьянин (как и земля, которую он обрабатывал) выступал в качестве объекта феодального права своего господина. До введения во Франции Кодекса Наполеона цензитарий не являлся юридически признанным государством субъектом собственности (не имея права на вещный объект – землю), но в то же время – в рамках сеньории – был фактическим ее владельцем.

Думается, что этот, ставший в нынешней медиевистике уже относительно очевидным, тезис о “расщепленной” (разделенной, иерархичной) собственности был основным “камнем преткновения” в изложенном выше споре между И.В. Лучицким и М.М. Ковалевским. Недостаточно четкое его осознание в то время, на рубеже XIX–XX вв., действительно свидетельствовало как минимум о незнакомстве с трактатами февдистов. Между тем февдистика была школой феодального права, “несравненно более сложного и труднее поддающегося пониманию, чем право буржуазное, с его упрощенной логикой вездесущего денежного эквивалента”⁴⁸.

Тысячу раз был прав С.Д. Сказкин, писавший о том, что февдисты отличались значительно более тонким пониманием существа феодального строя, который был для них “живой действительностью” – по сравнению с грубо эмпирическим мышлением “историков-реалистов” XIX в.⁴⁹ И, добавлю от себя, стремлением к социологическим обобщениям некоторых исследователей рубежа XIX–XX столетий.

⁴⁷ Там же, с. 252.

⁴⁸ Сказкин С.Д. Февдист Эрве..., с. 191.

⁴⁹ Там же.